

Наталья Прозорова

Экзистенция инобытия (цикл «Возмездие»)

Цикл «Возмездие» неоднократно рассматривался в блоковедении в его связи с другими поэтическими разделами третьего тома. «„Ямбы“ и „Возмездие“ тесно связаны между собой: в сознании Блока сопряжены внутреннее и внешнее возмездие <...> В поэтическом языке Блока возмездию соответствует, быть может, — расплата. Карающая рука — это чужая, внешняя, над виновным стоящая сила. Расплата, наоборот, рождается изнутри, из осознания человеком, личностью своей вины» [Тагер 1980, 97]. «Особенностью архитектоники 3-го тома является автономность циклов и принцип многоголосия: каждый из циклов — не универсальная декларация, а «голос» в развёрнутой, изменчивой и сложной картине современного бытия» [Магомедова 1997, 44]. Современник поэта Николай Гумилёв, для которого август двадцать первого года стал, как и для Блока, последним месяцем жизни, а в памяти поколений — символом конца серебряного века русской поэзии, писал: «Перед Блоком стоят два сфинкса, заставляющие его „петь и плакать“ своими неразрешёнными загадками: Россия и его собственная душа» [Гумилёв 2006, VII, 110]. По-видимому, и спустя столетие Александр Блок остаётся самой загадочной трагической фигурой серебряного века.

Наш анализ касается 17 стихотворений 1908—12 годов, выделенных Блоком в цикл «Возмездие» [III, 43—52] в каноническом составе третьего тома. Впервые же раздел под этим названием появляется в составе сборника «Ночные часы»

в 1911 году — в период работы над одноименной поэмой, в связи с чем может рассматриваться как фрагмент дневника души поэта и, отчасти, героя поэмы.

Тема цикла — мука безлюбного существования, смерть при жизни или осознание жизненного тупика — короче, то, что мы обозначаем как *инобытие*¹.

Духовным аналогом инобытия, в котором пребывает душа лирического героя, Блоку представляется апокалипсис. В стихотворении «Забывшие Тебя» отчётливо ощутима реминисценция² строк из 6 главы Откровения: «И небо скрылось, свившись как свиток...», «и дан ему большой меч»:

И час настал. Свой плащ скрутило время,
И меч блеснул, и стены разошлись.
И я пошёл с толпой — туда, за всеми,
В туманную и злую высь.

Апокалипсические мотивы — это, фактически, переживание Страшного суда за безлюбное существование (отречение от любви — *забыл прекрасное лицо* — заявлено в первом стихотворении), но блоковский апокалипсис лишён даже тени присутствия Всевышнего: *но над младенцем, над блаженным, скорбеть я буду без Тебя*.

Элементы описания хронотопа инобытия, т. е. чувства пространства-времени, в котором осознаётся экзистенция тупикового существования, присутствуют во всех стихах цикла.

В первом стихотворении «О доблестях, о подвигах, о славе» — своеобразной преамбуле, повествующей об измене и отречении героя, течение времени представляется кру-

---

¹ «Применение термина «инобытие» не является сейчас узко научным. С помощью понятия инобытия характеризуются: смерть — как переход в инобытие, постижение инобытия, часть жизни на пороге инобытия, как переход в другое инобытие, как рождение в инобытии, как инобытие мира, <...> исчезновение — как уход в инобытие; смыслы, эйдосы, ноумены и феномены — как максимально широко мыслимое инобытие». Желтов Ю. В. Категория инобытия в философской онтологии, науке и практике. Диссертация 2003.

² В комментариях к стихотворению академического издания приводится и ряд других библейских и евангельских реминисценций

женьем дней, проклятым роем, что в финале цикла обретает образ замкнутого круга. Кольцеобразна и композиция стихотворения. Крепкий сон словно предваряет сон смертный, а сырая ночь — одна из основных констант безжизненного пространства настоящего. Глубокий анализ данного стихотворения как неклассического типа художественного целого, проделанный Бройтманом [Бройтман 157—177], позволяет заключить, что этот начальный текст содержит в сжатом виде всю концепцию возмездия, развёрнутую в последующих произведениях цикла.

Второе стихотворение «Забывшие Тебя», рождавшееся когда-то слитно с первым, но отпочковавшееся позднее, подхватывая строчку «и час настал», вовлекается в то же кружение, бессмысленное и безрадостное блуждание, полное смутных библейских аллюзий: *да, суждена безрадостность мечта-нья / забывшему Тебя/.*

В третьем, «Она, как прежде, захотела», минуя безнадежную попытку возврата к прежнему, наш взгляд обращается к наставшему инобытию героя: *Я, наконец, смертельно болен, / дышу иным, иным томлюсь, / закатом солнечным доволен / и вечной ночи не боюсь... / мне вечность заглянула в очи, / покой на сердце низвела, / прохладной влагой синей ночи / костёр волненья залила.*

Эта синяя ночь в ряде следующих стихов цикла теряет свои временные координаты, втягивая в себя и утро и день, и вечер, становясь *дневной ночью* и, разрастаясь, обретает черты немого пустого пространства: *Ночь — как ночь, и улица пустынна; ...в белый день забываю огни, по ночам забываю дни; ...пустынной жизни суета;... немотствует дневная ночь.*

Перетекающие из стихотворения в стихотворение темы смерти и могилы также закольцовывают стихи между собой, создавая ощущение дурной бесконечности замкнутого круга: *проступали злые пятна незабываемых обид (аллюзия — трупные пятна);...смех беззубый; дохнула жизнь в лицо могилкой, яд мертвеца; ...и смерти ждешь из темноты; ...жизнь прошумела и ушла. / Ещё вернуться мысли, споры, / но будет скучно и темно; / к чему спускать на окнах шторы? / День догорел в душе давно.*

Жестокие характеристики: бесплодность, бесполость, тление — получает это вневременное пространство в одиннадцатом стихотворении цикла: *Какая дивная картина / твоя, о север мой, твоя! / Всегда бесплодная равнина, / пустая, как мечта моя; ...под рыбьим взором дев бесплодных / тихонько тлеет жизнь моя.*

Двенадцатое стихотворение «Ты в комнате один сидишь» добавляет к ним ещё одно «отрицательное» качество — мудрость, в коей так много печали (Экклезиаст): *Немудрый, знали ты года / свой нищий путь возвратный? / Теперь ты мудр...* Здесь же присутствует и тема раздвоения, широко разработанная ещё в «Страшном мире». Внутренний монолог лирического героя представляет собой диалог расщеплённого на Я и ТЫ сознания: *Ты в комнате один сидишь. / Ты слышишь? / Я знаю: ты теперь не спишь... / Ты дышишь и не дышишь. / Зачем за дверью свет погас? Не бойся! / Я твой давно забытый час, / стучусь — откройся.* Эта же тема завуалированно присутствует и в «Шагах Командора», где действие разворачивается также в пространстве ночи, стук оборачивается боем часов, забытый час — командором, а внутренний диалог продолжается в реплике: *«Ты звал меня на ужин. Я пришёл...».* В обоих случаях двойник словно наблюдает себя и свою „виртуальную“ смерть.

Следующее стихотворение «Кольцо существования тесно» — горький приговор-пророчество всем покорным движению колеса пространства-времени: *И мне, как всем, всё тот же жребий / мерещится в грядущей мгле: / опять — любить Её на небе / и изменить ей на земле.* На земле, в мире дольном, душу скупают боль и тоска, ранят ложь и лицемерие,... и так давно постыли люди, уныло ждущие Христа...

Создаваемый поэтом образ времени обездвижен, лишён и прошлого — памяти: *я сегодня не помню, что было вчера, / по утрам забываю свои вечера,* и будущего — надежды: *о том, что будет жизнь, забудь.* Черты настоящего, с которым самоотжествляется лирический герой, — зрелость, бесполость, мертвенность: *тихонько тлеет жизнь моя; а жизнь, не зная истребления, так — только замедляет шаг.* Основные свойства про-

странства инобытия: пустота, теснота, духота, сырость, серость, бесплодность.

Стихотворение «Чем больше хочешь отдохнуть» полнится жаждой забвения и сна-смерти: *Уснуть, уснуть... но всё равно — разбудит кто-нибудь. Ибо смерть... невозможна без томленья* («Когда, вступая в мир огромный»). И вот к томлению смерти, к светлому смертному часу вырывается душа ... в «Шагах Командора». Спокойно-размеренный ямб уступает место певучему хорею, что придаёт и ритму и сюжету небывалое ускорение. Страх и восторг, бессилие и отчаянье, вызов и тишина, которую вдруг нарушает бой часов... В беззвучное, глухое пространство *мутного холодного рассвета* врываются звуки: *из страны блаженной ... слышно пенье петуха* (евангельская параллель — измена, отречение Петра: *что изменнику блаженства звуки?*); как вызов тёмному року *победно и влюблённо в снежной мгле поёт рожок*; и, наконец, *бой часов*, в котором герою слышится: *Ты звал меня на ужин. Я пришёл. А ты готов?* Вопрос риторический. Ибо на него *нет ответа*. Описываемое далее «стояние в просвете бытия» [Хайдеггер 198] — у Блока — *в час рассвета* (это обстоятельство времени трижды встречается на протяжении четырёх строк) — *страшно, холодно и странно*, лишено звуков — *тишина*, движения и красок — *слуги спят, и ночь бледна...*, *мутна* — почти полный коллапс сознания и воли — разрешается в последней строфе: под аккомпанемент боя часов *в грозном утреннем тумане мутный рассветный час «переливается» в час смертный — в торжественный час* (*но все ночи и дни наплывают на нас / перед смертью, в торжественный час*) — час, наполненный метафизическим Божественным Светом: *Дева Света!<...> Донна Анна в смертный час твой встанет. Анна встанет в смертный час*. Таким образом, освобождение от тусклого пространства-времени инобытия герой находит в смерти как выходе из мрака к Свету...³ Однако, свет этот принадлежит новому инобытию, ведь виртуальных миров великое множество, и Блоку это было ведомо: «...быть художником — значит выдерживать ветер из миров

---

³ Невольно вспоминается строчка из стихотворения «Неведомому Богу» (1899): *укажешь путь из мрака к свету*.

искусства, совершенно не похожих на этот мир, только страшно влияющих на него; в тех мирах нет причин и следствий, времени и пространства, плотского и бесплотного, и мирам этим нет числа: Врубель видел сорок разных голов Демона, а в действительности их не счесть». [VIII, 129]

В одном из таких миров, *до времени*, что означает не преждевременно, но, скорее, вне времени — в ином бытии, и открылась поэту ... *Величий неких тайна*.

Как свершилось, как случилось?
Был я беден, слаб и мал.
Но Величий неких тайна
Мне до времени открылась,
Я Высокое познал.

Последующее описание измены героя Тайне происходит во времени: упоминаются ночи, рассвет и день, *скудный, жестокий и железный*.

День жестокий, день железный
Вкрут меня неумолимо
Очертил замкнутый круг.

Круг, странно напоминающий *тяжкий, плотный занавес у входа*. Но Входа — смертного часа, здесь не наступает, ибо, хотя время и свернулось в свиток, как в Откровении Иоанна, но воскресение поэта — не бессмертие, а обретение нового времени.

Нет конца и нет начала.
Нет исхода — сталь и сталь.
И пустыней бесполезной
Душу бедную обстала
Прежде милая мне даль.

Этой прежде милой дали, обернувшейся бесполезной пустыней, отзывается и туманная злая высь, и бесплодная долина — мы в сером (сталь!) пространстве-без-времени инобытия. Потрясённое страшным миром сознание не ищет ни утешения в памяти о любви: *всё миновалось, молодость прошла*, ни

спасения в вере: *скорбеть я буду без Тебя*, но, зацикленное на самом себе, обращено в неподвижную точку внутри некоего виртуального кокона, сферы, круга... Ада. «Ибо искусство есть чудовищный и блистательный Ад. Из мрака этого Ада выводит художник свои образы. <...> Именно в чёрном воздухе Ада находится художник, прозревающий иные миры» [VIII, 130]

Не таюсь я перед вами,
Посмотрите на меня;
Я стою среди пожарищ,
Обожжённый языками
Преисподнего огня.

Только через огонь покаяния-исповеди (*не таюсь, посмотрите*), через сжигание себя прозревается единственно возможный жизненный выход из тупика безлюбивного существования к *добру и свету*, к свободному дыханию творца: «Только то, что было исповедью писателя, только то создание, в котором он сжёг себя дотла... только оно может стать великим» [5, 278]

Все стихи цикла объединяет общий лирический сюжет — опыт освоения пространства-времени инобытия: *...дышу иным, иным томлюсь*, и — поиск выхода, пути, прорыва.

Предпоследнее стихотворение цикла «Мой бедный, мой далёкий друг!» — жалоба, впервые обращённая к другу, робкий поиск человеческого участия — завершается вопросом: *иль — порываний нам довольно, ... и лишь недуг — надёжный щит?*

Знаменательно, что знак вопроса появляется на протяжении первых 14-ти стихотворений всего пять раз и одиннадцать — в последних трёх. Это, по-видимому, указывает на растущую душевную тревогу-неудовлетворённость героя, отражающуюся в напряжении внутренней структуры текста — словно сам язык подталкивает автора к поиску «выхода».

Если в основе ритмики большинства стихотворений цикла лежит ямб, то три стихотворения: «Ночь, как ночь», «Шаги Командора», «Как свершилось, как случилось» выдержаны в ритме хорей с большим количеством пропусков (пиррихийев). В отличие от мерного ямба хореические стихи вносят в цикл «песенно-плясовую» интонацию, какое-то «нервное»

ускорение, как бы несущее обещание развязки. И действительно, финальные строки «Ночи» и «Шагов Командора», единственные на протяжении цикла выделенные курсивом — *Все умрут и Донна Анна в смертный час твой встанет...* — есть два пути разрешения внутреннего конфликта: смерть как окончательный уход во тьму и как обретение Света. Ответом из грядущего на эти „детальные“ исходы прозвучит также набранная курсивом строфа в начале «Ямбов»:

Простим угрюмство — разве это
Сокрытый двигатель его?
Он весь — дитя добра и света,
Он весь — свободы торжество!

Но уже стихотворение «Как свершилось, как случилось?», заключительная рефлексия на тему пути, возвращает лирического героя от инобытия к жизни — не потому ли здесь правильный четырёхстопный рисунок строфы всё время ломается, достигая к концу наибольшего ускорения. Материя стиха, как и свет, имеет волновую, колебательную природу, и именно волны нового ритма выносят поэта к обретению нового времени, воскресению в жизнь. Стоит сравнить мерный речитатив ямба, характерный для пессимистических стихов цикла и словно захлёбывающийся, срывающийся хорей в финале:

Дохнула жизнь в лицо могилы —	а
Мне страстной бурей не вздохнуть,	в
Одна мечта с упрямой силой	а
Последний открывает путь...	в

Где же ты? Не медли боле.	а
Ты, как я, не ждёшь звезды.	в
Приходи ко мне, товарищ,	с
разделить земной юдоли	а
невесёлые труды.	в

Эти завершающие цикл призывные строки (лишь внешне напоминающие последний аккорд «внутреннего диалога: *где же ты? ...Ты, как я*) обращены вовне: *Приходи ко мне, това-*

рищ... разделить... труды, — и полнятся новым, жизнеутверждающим смыслом.

Последнее стихотворение отличается и новым рисунком строфы. Вместо четырёхстрочных строф с перекрёстной рифмой *авав* мы здесь впервые встречаемся с пятистрочными строфами *авсав*, разрезанными пополам связующей их между собой третьей строкой со значимой женской рифмой: *тайна — случайный, силы — кадило, небожитель — мститель, трепет — лепет, железный — бесполезный, пожарищ — товарищ*. В этих рифмах словно содержится вся квинтэссенция *пути* ...от мгновения слишком яркого света через непроходимый болотистый лес — к отчаянию, проклятию, возмездию... и рождению... [8,344] Так с появлением новой строфы и ритма открывается выход из безнадёжной трясины мертвенных колебаний постылого существования, экзистенции инобытия — и на лексическом и на метрическом уровнях поэт декларирует возвращение воли к жизни, жажды человеческого участия и творчества, что полной мерой зазвучит в новых, ибо обретших дыхание мужественного приятия жизни, «Ямбах»:

О, я хочу безумно жить:	в
Всё сущее — увековечить,	а
Безличное — вочеловечить,	а
Несбывшееся — воплотить!	в

Таким образом, психологический опыт инобытия, несмотря на его глубоко депрессивное содержание, оказывается плодотворным на пути его творческого осмысления и лирического (посредством поэтического языка) преодоления.

Литература

Блок А. А. Полное собрание сочинений. М., Т. I—V. 1997—1999. Т. VIII. 2010

Блок А. А. Собрание сочинений в 8 т. М.—Л., 1963.

Бройтман С. Н. Блок и Пушкин // Поэтика русской классической и неклассической лирики. М., 2008.

Гумилёв Н. С. Письма о поэзии. Полное собрание сочинений. М., 2006. Т. 7.

Магомедова Д. М. Автобиографический миф в творчестве А. Блока. М., 1997.

Тагер Е. Б. Мотивы «возмездия» и «страшного мира» в лирике Блока // Александр Блок. Новые материалы и исследования. М., 1980.

Хайдеггер М. Письмо о гуманизме // Время и бытие. М., 1993.